

Среда, 7-го Июля 1904 года № 6357.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ИЗДАНИЕ

Среда, 7-го Июля 1904 года № 6357.

ОДЕССКИЯ НОВОСТИ

газета политическая, литературная, научная, общественная и коммерческая.

Къ кончинѣ А. П. Чехова.

„Р. Вѣд.“ сообщаютъ, что уже во время пребыванія въ Берлинѣ, гдѣ онъ былъ съ цѣлью совѣта съ врачами, Чеховъ сильно страдалъ физически, не выходя изъ комнаты и съ трудомъ могъ двигаться. Все-же состояніе его не было вполне безнадежно, и его послали для леченія въ Баденвейлеръ.

До 29-го іюня Чеховъ чувствовалъ себя въ Баденвейлерѣ сравнительно хорошо, совершалъ прогулки, говорилъ о своихъ планахъ путешествій, особенно о побѣздкѣ въ Италію, живо слѣдилъ за военными извѣстіями и часто волновался по поводу пролитія крови. Въ ночь на 30-е появились затрудненіе дыханія и сердечная слабость, но съ этимъ удалось справиться. Днемъ 30-го онъ былъ слабъ, но никакихъ опасныхъ симптомовъ не было. Къ ночи опять наступило ухудшеніе, но приемы дигиталиса и усыпительныя средства успокоили больного. 1 іюля вечеромъ онъ спокойно заснулъ, но въ часъ ночи проснулся, началъ бредить и говорилъ объ японскихъ матросахъ; скоро однако сознаніе прояснилось. Ледъ и впрыскиванія на этотъ разъ не

оказали дѣйствія, и въ 3 часа Чеховъ спокойно умеръ безъ агоніи. 3-го іюля въ Баденвейлерѣ была отслужена панихида, на которой присутствовали всѣ находящіеся тамъ русскіе и много пѣмцевъ.

Въ Парижѣ извѣстіе о смерти Чехова произвело, какъ съ телеграфируютъ „Р. Сл.“, глубоко впечатлѣніе. Русская колонія собирается чествовать память великаго писателя. Во главѣ комитета по устройству чествованія стоитъ профессоръ Н. И. Мечниковъ.

„Нов. Дня“ имѣютъ свѣдѣнія, что многіе, друзья, почитатели, съ разныхъ концовъ, куда разбросало ихъ дѣло, съѣдутся ко дню похоронъ Чехова въ Москву. Со скорбью торжественностью будетъ ощущенъ въ могилу славный прахъ. И одною безконечно дорогою, священною каждому, кто цѣнитъ слово, пядью земли станетъ больше въ Москвѣ.

„Приаз. Кр.“ винитъ въ смерти А. П. Чехова курортъ Баденвейлеръ, въ который его послали. По словамъ газеты, въ Ростовѣ въ настоящее время живетъ г-жа К—ва, которая года два тому назадъ по совѣту нѣмецкихъ врачей отправилась въ тотъ-же Баденвейлеръ. Г-жа К—ва, также какъ и А. П., имѣла легочную болѣзнь. По селившись въ Баденвейлеръ, она сразу почувствовала себя хуже, такъ какъ этотъ курортъ на большой возвышенности и хотя отличается необыкновенно чистымъ и здоровымъ воздухомъ, но имѣетъ очень крупный недостатокъ, а именно, воздухъ въ немъ настолько разрѣженъ, что съ наибольшими слабыми больными дѣлаются сердечныя припадки. Рѣдкій воздухъ Баденвейлера, пожалуй, и вызвалъ у А. П. сначала сердечныя припадки, а затѣмъ и сразившій его параличъ сердца. Подтверженіемъ этого предположенія можетъ служить примѣръ г-жи К—вой. Пока она находилась въ Баденвейлерѣ, у нея постоянно было сердцебиеніе, и благодаря этому она настолько ослабла, что едва могла быть вывезена обратно въ Россію. Изъ Германіи г-жа К—ва была отправлена въ Ялту, гдѣ очень быстро поправилась.

Популярнѣйшая берлинская газета „Berl. Tag.“, въ лицѣ своего литературнаго обозрѣвателя Эдуарда Гебера, посвятила цѣлый фельетонъ кончинѣ А. П. Чехова. „Русская литература, — говоритъ Геберъ, — понесла несча-

сна тяжелую утрату. Вместе съ Россіей безвременную кончину Чехова будетъ оплакивать и вся культурная Европа, весьма высоко цѣнившая беллетристическій талантъ покойнаго, и въ частности пѣмецкая читающая публика, у которой молодые русскіе беллетристы пользуются огромными успѣхами. Въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ слава Чехова, правда, какъ бы нѣсколько померкла передъ внезапно появившейся на литературномъ горизонтѣ звѣздой Горькаго. Но и у насъ каждый читатель, вдумавшійся въ чеховскія новеллы и въ особенности въ его драматическія произведенія, не замедлитъ отнестись только-что спончавшемуся художнику принадлежащее ему по праву мѣсто, — перваго послѣ Л. Н. Толстого русскаго писателя.

„Мрачно и безрадостно прожилъ Чеховъ свою молодость, какъ мрачно и безрадостно было все кругомъ него, „отъ финскихъ ледяныхъ скалъ до пламенной Колхиды“. Бѣдность, невѣжество, духовное рабство, вѣковая косность обитавшихъ массъ и безсильное ничтожество такъ называемой интеллигенціи, — вотъ что Чехову приходилось наблюдать отъ самой юности до послѣднихъ его дней. И за этой безпросвѣтной мглой, окутывающей всю русскую дѣйствительность, за этимъ тяжелымъ кошмаромъ отъ воровъ Чехова почти совсѣмъ скрывался тѣ здоровыя силы, которыя потенциально дремлютъ въ великомъ русскомъ народѣ. И что же удивительнаго въ томъ, что этотъ здоровый, блестящій юмористъ съ годами все больше и больше уходилъ въ пессимизмъ, и всецѣло отдавалъ и лично себя и свой талантъ во власть той меланхоліи, которая составляетъ отличительную черту всей новой русской литературы. И только огромный талантъ спасъ его отъ отчаянія. Мягкій, разумный юморъ, всевидящій и всепонимающій окомъзирающій на окружающія несчастія и глупости, уберечь его отъ крайностей пессимизма. На зло, омѣдающее его родину, Чеховъ реагируетъ не безпощадными про-роческими рѣчами Толстого, не озлобленными протестами Горькаго; во всѣхъ несчастіяхъ и глупостяхъ своихъ соотечественниковъ Чеховъ умѣетъ находить ободряющій комическій элементъ. И умная улыбка его вселяетъ въ читателей надежду на наступленіе лучшихъ временъ“.